

«Это у моря над ветром тугим жужжала наша гимназия»

«В сущности, это была самая обыкновенная гимназия. Необыкновенной её делало только одно: море. Оно поднималось до середины окон, и комната оказалась увешанной импрессионистическими панно, исполненными в два цвета: снизу огневая синева, сверху нежная, нежная лазурь. Иногда на одном из панно белел парус. Иногда на другом летали птицы. В хорошую погоду яркие живые краски этой картинной галереи придавали наукам какой-то праздничный тон» [29, с. 48].

Так на страницах романа «О, юность моя!» И. Л. Сельвинский поэтизирует alma mater – Евпаторийскую мужскую гимназию. Самые первые образы этого произведения – гимназисты: Сима Гринбах, Володя Шокарев, Елисей Бредихин. Творческая память о школе и одноклассниках Иване Бредихине, Исааке Гринберге, Оскаре Шокареве продиктовала писателю имена персонажей книги. Конечно, на страницах этого произведения читатель также обнаружит имена педагогов: директора гимназии А. К. Самко, учительницы Мартен и другие. Даже Евпатория у Сельвинского имеет два лица: весенне-летнее и осенне-зимнее, и, согласно тексту, осенне-зимнее лицо – это лицо гимназистов и рыбаков.

Трудно давшаяся городу, по-настоящему выстрадавшая гимназия уже поэтому была любима евпаторийцами. Стоящая на самом берегу моря на фоне голубого неба, крытая яркой марсельской черепицей, она стала реализацией заветной мечты многих горожан и жителей уезда. К слову сказать, построенная в 1897 году, она пережила и эксцессы Гражданской войны, и ужас оккупации Великой Отечественной. В тяжёлые дни 1918 года под залог гимназического здания и участка дворовой земли школы, чтобы выжить, городская власть пыталась получить денежную ссуду.

Двухэтажное каменное здание гимназии было довольно обширное и светлое. Имелись два двора площадью 600 и 400 квадратных саженей, сарай для топлива. В архивных документах неизменно подчёркивается «чистый воздух и близость городского сада». Имелся в виду Шакаевский сад. Водоснабжение и артезианская питьевая вода обеспечивались ежедневно непосредственно из крана буровой скважины портового колодца в 30 саженях от гимназии. Здание освещалось свечами и керосином, а отоплена школа была печами, – говорят документы. В январе 1909 года у мужской гимназии появился свой телефон.

Одноэтажные служебные флигели, построенные позже на территории гимназии, были отданы под квартиру начальника учебного заведения и одного помощника классного наставника. И нужно отметить, что в квартире начальства были все мыслимые удобства: ватер-клозет, ванная комната с ванной из оцинкованного железа и обогревателем – цинковой постилкой на части пола.

В 1904 году освятили только что возведённую гимназическую церковь.

Но особенно любили гимназисты и горожане-родители просторный, строгий и торжественный, с колоннами, актовый зал. Там висели портреты императоров, Министра народного просвещения и попечителя Одесского учебного округа. В зале гимназии находился, кроме того, киот с образом Спасителя, перед которым ежедневно в начале учебного дня происходила общая молитва. Присутствовали директор, инспектор, помощники классных наставников, православные ученики, а также желающие «из иноверцев» и преподаватели, имеющие первый урок. В первый день учебного года, а также на Рождество и другие государственные праздники, совершалось «благодарственное молебствие с провозглашением многолетий и окроплением здания и молящихся Святой водой», – говорится в архивном документе [27].

Почти 120 лет здание гимназии со всеми постройками служит Евпатории. Это здание почти вечный беспристрастный и безмолвный

свидетель нашей великой и трагической истории. Сегодня здесь по-прежнему учатся юные евпаторийцы.

Совет министров Крыма постановлением от 21.07.1992 года № 180 присвоил школе, объединившей две дореволюционные гимназии – мужскую и женскую, – имя И. Л. Сельвинского. В 1995 году педагогический коллектив вернул дореволюционный статус гимназии. Первого сентября 2015 года гимназия, так воспетая в романе, начала свой 140 учебный год! Она всё так же «жужжит» всё в тех же стенах «у моря над ветром».

Красивая и точная метафора Сельвинского из поэмы «Ход коня» (1927) передаёт не только школьное многоголосие, но и многоязычную разноголосицу. В стенах школы всегда звучали в ту пору разные языки и наречия, потому что здесь учились гимназисты из православных семей, дети-иудеи и караимы. Учились римские католики и армяне, а также – евангелические лютеране, в число которых входили эстонцы [9, л. 1-22].

Объективный процесс миграции крестьянского населения Крыма в города привёл к началу XX века несколько эстонских семей в город на берегу моря – в Евпаторию. На 1919-1920 годы здесь проживало около 32,5 тысяч человек, в том числе, как свидетельствуют документы, 12 эстонских семей и несколько одиночек, общей численностью 105 человек. Капля в общей численности! Но, объединившись в общину, эстонцы и хор создали, и библиотеку собрали, и достаточно быстро социализировались [28, с. 10-11].

Вчерашние крестьяне энергично становились на ноги. Март Вальдман, известный музыкант и руководитель оркестра в Курулу-Кипчаке¹, например, устроился в Евпаторийский морской порт. К 1910 году Т.Я. Мяги имел свой ресторан на I Продольной улице. У доктора Евгения Юльевича Кегелера, уроженца Эстонии, была хирургическая больница. На 1 января 1917 года он выставял на публичную продажу имущество по проспекту Александра II в квартале 243, оценённое в 3000 рублей [18, л. 42; 17, л. 120 об]. У некоторых эстонцев имелись дачные участки. Как многие евпаторийцы, они сдавали жильё курортникам, предлагали домашние обеды. Газета «Революционная

Евпатория» от 9 марта 1918 года среди домовладельцев и дачевладельцев назвала Видакаса Юрия Яновича и Видакаса Иоганна Томасовича.

И с личной недвижимостью было всё в порядке. На самом берегу моря имела свой дом большая семья портового рабочего М. Вальдмана. В центре Евпатории на Александровской площади купила дом дочь береговского крестьянина Генриха Лаамана – Вильгельмина Синберг. Иоганн Рюммель в 1909-1910 года построил собственный дом на углу Гоголевской и Ак-Мечетской в 106-м квартале. Пётр Михайлович Палло – на улице Санаторской в квартале 297, а Видакас Иоганн Томасович на Первой Продольной в 254-м квартале. Свой дом в квартале № 117 имел крестьянин Мартвель Иоган Гансович [17, л. 88 об, л. 101, л. 125, л. 150].

Весной 1921 года внешкольный подотдел Евпаторийского наробраза зарегистрировал Устав Евпаторийского эстонского литературного кружка [23, л. 153]. Уже к этому времени существовало зарегистрированное в Симферопольском окружном суде 22 ноября 1917 года Евпаторийское эстонское общество [31, с. 389].

«Большое и удивительное значение в жизнестойкости и выдержке эстонцев имел, – как утверждают эстонские специалисты, – миф об образовании». «Школа и образование были жизненно важны для поколения, выросшего в крепостничестве, унижении и отправившегося на далёкую чужбину, в Крым» в 1860-е годы [26, с. 235, 237]. Очевидно, этим и объясняется, что В. Г. Синберг в своём доме на Александровской площади организовала некое подобие интерната с пансионом для эстонских учеников гимназий и городского училища. Она отвечала перед администрацией учебного заведения за поведение и успехи в учёбе своих подопечных. Дети эстонских поселенцев, благодаря этому, получили возможность учиться в Евпатории. Как оказалось, она готова была опекать не только собственного сына Томаса и племянника – Оттомара Лаамана, но и других деревенских детей эстонских поселенцев. Архивные документы показывают, что Вильгельмина Синберг жила в Евпатории и в период окончательного

утверждения в Крыму советской власти. Как домовладелица с доходом 1500 рублей в год, к тому же имеющая корову, она попала в феврале 1921 года в список лиц нетрудового элемента, которыми занимался отдел принудительных работ военно-революционного комитета Евпатории [7, л. 295, л. 298, л. 556; 8, л. 95; 21, л. 46-47; 22, л. 9].

Выпускника Евпаторийской гимназии Оттомара Лаамана благодарные потомки назовут «хранителем памяти эстонской диаспоры» за то, что в Торонто в 1981 году он издал замечательную книгу «Mälestused Krimmist» («Воспоминания о Крыме»). В ней есть очень ценное описание alma mater автора. Эти воспоминания важны для нас тем, что Оттомар Лааман и Илья Сельвинский учились в старшей школе в одном и том же «Б» классе Евпаторийской мужской гимназии. «Воспоминания» привлекут внимание осязаемой конкретностью и замечательными деталями исторических и школьных реалий. Они дают интересный взгляд из современной Канады на крымское детство и юность эстонца, а также на Евпаторию. Кроме того, словно сознательно в тексте О. Лаамана подчёркнуто этно-конфессиональное разнообразие евпаторийской учебной среды.

Персонажи воспоминаний Лаамана объединены общим деревенским детством в Крыму, привычной с рождения близостью родных и односельчан, а позже даже семейными узами (Сальме, урождённая Лааман, к примеру, стала женой Александра Палло), общими традициями национального, в том числе конфессионального, и семейного воспитания. Они представят читателям удивительную страницу национального согласия и очевидной общности. К сожалению, оторванное революционным вихрем от своих крымских корней, это поколение молодых эстонцев повторило путь дедов, пришедших в Крым во второй половине XIX века. Но повторило уже в обратном направлении: из Крыма в Эстонию, а позже из Советской Эстонии – на запад.

Представленный материал, безусловно, обладает новизной и несомненной актуальностью – именно сегодня, когда мы становимся

свидетелями рукотворных, почти апокалипсических, миграционных процессов и усиления национализма.

Мы предлагаем читателям в переводе главу книги с необходимыми или возможными комментариями.

Оттомар Лааман

«Евпаторийская казённая гимназия»

(глава из книги)

Летом 1911 года я готовился к экзаменам для поступления в гимназию². К этому времени меня и двоюродного брата Карла³ готовил двоюродный брат Эдуард⁴. В августе на экзаменах я провалился, а Карл поступил. Но я остался у тётки Вильгельмины Синберг⁵ на зиму жить (в Евпатории – *Н.Л.*) и заниматься по той же программе. Теперь мной занимался двоюродный брат Томас⁶, тётки Вильгельмины сын. На следующую осень я поступил уже во второй класс гимназии.

Состав учащихся в нашей школе был таким же пёстрым, как и общество в Крыму. Насколько я помню моих одноклассников, из 53 мальчиков русских было 19, караимов 12, евреев 11, оставшиеся 11 человек были поляки, греки, немцы, украинцы, армяне. Эстонцев в нашем классе было четверо и один латыш. Из эстонцев на то время эту школу заканчивали двоюродный брат Томас Синберг и Оскар Пульль⁷. Недавно завершил гимназию и уже поступил в Тартуский университет Александер Палло⁸. Немного старше меня Артур Видакас⁹. В моём классе, кроме двоюродного брата Карла, учился Кристьян Лентсман¹⁰ из Замрука¹¹ и Юку Видакас¹². Позже классом ниже поступили учиться Адольф Лентсман¹³ и мой брат Кристьян¹⁴. Из Замрука ещё Фритс Гроссфельд учился в частной гимназии Руцинский. Через улицу напротив мужской гимназии в женской гимназии учились двоюродные сёстры (тётины дочери) Паулина и Мария, мои сёстры Хельми и Лииди; Анна и Алиде Лентсманы из Замрука. И ещё несколько девочек из евпаторийских и пригородных эстонцев (м.б., курулукипчакских –

Н. Л.)

Мы были обязаны носить гимназическую форму – мундир. Зимняя форма была из чёрного сукна, летняя форма вся белая. Школьная программа была наперёд твёрдо установлена, соответственно и учебники, так что, переходя из класса в класс, можно было пользоваться старыми учебниками, покупая их у старшеклассников. Обучались на русском языке. Иностранными языками были немецкий, французский и латынь. Некоторые учителя были польского происхождения, такие, как Бартошевицкий, Соколовский, Велембовский, Зенкевич.

Велембовский преподавал нам русский язык во втором классе. Это был блондин высокого роста. Однажды на его уроке я что-то сказал соседу по парте, немцу Поппэ, комментируя объяснение Велембовского о санскрите. Учитель заметил это и спросил: что за разговоры? Поппэ пошутил, что мы сейчас разговариваем на санскрите. Меня поставили в угол. Это было моё единственное наказание.

Учителя и методы их преподавания были очень разного уровня. Позже русский язык нам преподавал Лев Львович Галахов, авторитетный и всеми уважаемый. У него было вытянутое узкое лицо, с торчащей бородкой, с крючковатым носом. Сам он говорил, что происходит из казанских татар. Мы, мальчишки, любили рисовать его колоритный портрет. В старших классах, рассуждая о наших письменных работах, он предсказывал: когда мы повзрослеем, наши нынешние либеральные взгляды станут консервативными.

Учителем истории вначале был Хрисанф Хрисанфович Зенкевич, который был учителем в Керченской гимназии в то время, когда там учился мой двоюродный брат. О нём помню, что он требовал запоминать исторические даты. Он написал книгу о древней керченской истории. В старших классах историю преподавал Харламбий Харламбиевич Соколов. Он был мобилизован на войну, там отравился газом, после лечения вернулся в школу.

Нашим директором был Самко, одно время он преподавал нам геометрию. Инспектором был Политов, малорослый, коренастый, темнокровный, с глазами навыкат мужчина. Его кабинет был в конце коридора, напротив 4 класса. Самый неугомонный, самый непоседливый возраст. Ребята шумели не только на переменах, но и на уроках. Учитель Бартошевицкий так привык к шумным мальчишкам, что не обращал на них внимания. Инспектор же Политов часто заглядывал в этот класс.

Дмитрий Теодори¹⁵, Митька Теодор, Павка Нелюбов и Юку Видакас гонялись друг за другом, бегая по партам. Или такая картина: маленький еврейский мальчик Обуховский «дирижирует оркестром». Оркестр – это компания мальчишек с разными ударными «инструментами». Кто во что горазд: крик и шум кругом.

Математику нам долгое время преподавал Иван Иванович Иванов¹⁶. Его преподавание было суховато, он не мог заинтересовать нас, вникнуть и понять этот предмет мы не умели. Иван Иванович был невысокого роста, суховатый, по какой-то причине он носил корсет и очень узкие брюки. У него я математику плохо соображал, но дело поправилось, когда уже в последних классах нам стал преподавать физику и тригонометрию учитель Зосимович. Мы его уважали, он несколько лет был нашим классным руководителем. Зосимович был высокого роста, худощавый, а жена была маленькая, пухленькая. Нам было смешно, когда мы видели его прохаживающимся с женой под руку, дугой согнутым над ней.

Нам не везло с изучением иностранных языков. В начальных классах немецкий и французский языки преподавали учителя-женщины. Немецкому языку учила Надежда Дмитриевна (Федосеева – *Н. Л.*) – маленькая красивая женщина. Её миниатюрными калошами мальчишки ходили полюбоваться в вестибюль.

Французский язык в то время преподавала Вера Павловна (Тальгрэн – *Н. Л.*), с крупным мясистым носом. Вот она действительно сумела заставить мальчишек изучать французский язык. Под её руководством мы уже

сочиняли маленькие рассказы. Позже этот предмет перешёл в руки румыну Василию Ивановичу Няга, который был уверен, что язык невозможно усвоить школьными уроками, а нужны дополнительные занятия. А когда началась война, то урок и вовсе превратился в политические дискуссии.

Немецкий язык в основном всем классам преподавал Марьян Юлианович Бартошевицкий, но он не уделял этому должного внимания. Учение ограничилось чтением и переводом. Пользовались одной единственной книгой, которая была раскрыта на первой парте. Вызываемый ученик читал учителю из этой книги мелко написанный между строк перевод. Как уже упоминалось, на его уроках всегда было очень шумно. На задних партах мальчишки играли в карты, катали шары, играли в другие игры.

Из древних языков изучали латынь, а греческий не изучали. Вначале латынь преподавал Владимир Васильевич Фёдоров, небольшого роста. Мальчишки сразу дали ему кличку Козёл за то, что он заикался и за выступающую вперёд острую бородку. Он не нашёл контакта с мальчишками, они его донимали. В старших классах преподавал учитель, имени которого я не помню (В.Ф. Штифтарь – *Л. Н.*). Это был коренастый, небольшого роста мужчина, волосы щетиной торчали на его голове, за что мальчишки прозвали его Кукушкой. Он был очень требовательный, но авторитетный и уважаемый. Иногда, возмущаясь ответом ученика, он не стеснялся в выражениях. Его увлечением была архитектура и археология. Он издал даже книгу об архитектуре Евпатории. Удивительно, как он, а не учитель истории, знакомил нас с историей и археологией города, с археологическими раскопками в песчаном грунте между Карантином и Новым городом. Там были видны фундаменты и нижние части древних строений и кольца колодцев. Кажется, это был IV век до Рождества Христова.

В гимназии была маленькая церковь, туда можно было попасть через большой зал. В этом зале иногда перед уроками был молитвенный час. Пел

хор мальчиков. В школе был свой духовой оркестр, выступал он в основном на парадах и других торжественных праздниках. Праздники отмечали вместе с женской гимназией. Руководил оркестром один из надзирателей – Дмитрий Иванович (Высочин – *Н. Л.*). Второй был по фамилии Чаусов. После уроков он любил прохаживаться по городу, наблюдая за поведением мальчишек. Прозвище «Цирюльник» ему дали за то, что он часто заходил поболтать в парикмахерскую. Порядок был такой, что ученикам вообще запрещалось появляться по вечерам на некоторых улицах. Одной из таких улиц была центральная, так называемая «На Дритте», якобы на ней когда-то жила красавица Дритта (действительно, педагогический совет гимназии принимал решение «о воспрещении прогулок по Лазаревской вдоль сквера с наступлением сумерек» [5, л. 34].

А ещё у нас был струнный оркестр. Им руководил гимназист Ваня Бредихин. В учёбе он был слабоват, но талантлив. Компанейский и сочинитель. Где-то он «сидел» два года, потом оказался со мной в одном классе. Из школьных праздников помню один, который праздновался в женской гимназии. На виолончели играл мой одноклассник Шеер, а оркестром балалаечников руководил Ваня Бредихин.

К зданию школы пристроили новый зал. Спортивными и гимназическими занятиями руководил преподаватель, чех по происхождению. Он принёс в нашу школу чешскую, так называемую соколиную гимнастику и вообще спортивные увлечения. В то время, во время войны, учителем гимнастики был некто латыш. За несколько лет до моего поступления чешские соколы, гимнасты, ездили выступать в Одессу и Москву, среди них и мой двоюродный брат Томас. Гимназические упражнения были и летом на снарядах во дворе, где спортивное оборудование было соответственно установлено.

В старом большом зале один угол был огорожен решёткой. Там на большой перемене царствовала Марья Тимофеевна. Она продавала ребятам бутерброды, пирожки, булочки, оладушки, колбаски и прочее. На большой

перемене все бежали, обгоняя друг друга, чтобы скорее получить свою порцию.

До войны в нашей школе было два важных события. В 1912 году праздновали 100-летие войны с Наполеоном. В 1913 году праздновалось 300-летие царствования Дома Романовых. О войне показывали патриотические фильмы, а в 1913 году на юбилей Романовых в актовом зале были торжества, затем гимназисты на сцене городского театра поставили спектакль по опере Глинки «Жизнь за царя». В связи с этим мужчины-преподаватели пришли в театр в парадной форме, при шпагах на поясе.

Во время войны экзаменов у нас уже не было, даже выпускные экзамены отменили. Но выпускной бал нам устроили. Девочки из женской гимназии танцевали татарский танец «Хайтарма» и другие танцы. Веселились, среди танцующих были и наши эстонские девочки.

Торонто, Канада, 1981.

Перевела с эстонского языка М. Никольская.

Примечания

¹ **Курулу-Кипчак** – ныне Самсоново Сакского района, 8 семей эстонских арендаторов из д. Контуган в 1890 году основали здесь поселение на арендованных землях. В 1902 году истёк срок арендного договора, вскоре закрылась школа, несколько семей оказались в Евпатории [1, с. 173-175].

² **Лааман Оттомар Готтлибович** родился 26 февраля 1900 года в эстонском селе Замрук (ныне Береговое Бахчисарайского района), сын поселянин. Отец Готлиб Лааман, мать Анна (ур. Ленцман) – евангелические лютеране.

1912-1919 гг. – учёба в Евпаторийской гимназии.

В 1922 году служил ветеринаром в 7-м полку 7-го батальона, имея нижний офицерский чин.

1922-1926 гг. – студент сельскохозяйственного, затем юридического факультета Тартуского университета [2100-1-6963].

1922-1940 гг. – секретарь отдела кадастра Министерства сельского хозяйства Эстонской Республики.

1944 г. – эмиграция сначала в Германию, в 1948 г. – в Англию и далее в Канаду.

С 1953 по 1978 гг. – президент Эстонского общества в Калгари, где в это время проживал.

Умер 20 октября 1988 года в Онтарио, Канада [25, с. 183-185].

Согласно архивному документу, Лааман Оттомар в августе 1911 года экзаменовался для вступления в 1-ый класс Евпаторийской мужской гимназии по окончании начальной эстонской школы в Замруке. На экзамене в гимназию показал неудовлетворительные знания по русскому языку. Повседневное общение в семье и с поселянами было только на родном языке. Начальная сельская школа не обеспечивала необходимый для обучения в гимназии уровень знаний по русскому языку. Так что в приёме ему было отказано.

В мае 1912 года экзаменовался уже во второй класс по русскому языку (устно и письменно), арифметике ((устно и письменно), истории, географии, немецкому языку и естествоведению. Решением педагогического совета на основе данных экзаменов принят во 2 класс [3, л. 54, л. 64].

³ **Лааман Карл Хиндрекович** – родился 16 сентября 1899 года в эстонском селе Замрук (ныне Береговое Бахчисарайского района). Сын поселян, евангелических лютеран Хиндрека-Готтлиба Лаамана и Доротей (ур. Виссарт). После вступительных испытаний по русскому языку и арифметике (устно и письменно) в августе 1911 года решением педагогического совета принят в 1 класс Евпаторийской гимназии [3, л. 54]. До поступления в эту гимназию обучался в Симферопольской частной гимназии Свищева. Выбыл в марте 1919 года из 7-го класса в связи с поступлением в Добровольческую армию [14, л. 5 об;16, л. 330].

⁴ **Лааман Эдуард Хиндрекович** – эстонский журналист, историк и общественный деятель. Родился 12 февраля 1888 года в эстонском селе

Замрук (ныне Береговое Бахчисарайского района) в семье поселян, евангелических лютеран Хиндрека-Готтлиба Лаамана и Доротеи (ур. Виссарт).

С 1894 по 1899 гг. учился в начальной эстонской школе в Замруке.

1899-1907 гг. – учёба в гимназии в Керчи. Э. Лааман – первый крымский эстонец, закончивший полный курс среднего учебного заведения. В Петербургском университете изучал юриспруденцию, в этот период публикует первые статьи в газете. С 1912 по 1915 годы работает в Таллине и Тарту как журналист. Уходит в политику в качестве помощника секретаря Таллинской Рады, затем – секретарь Союза городов Эстонии, секретарь Эстонского временного правительства. На Парижской мирной конференции в 1919 году – секретарь эстонской делегации, позже пресс-атташе при эстонском посольстве в Лондоне, заместитель информационного отдела Министерства иностранных дел Эстонии. Пресс-атташе в Московском посольстве. Соучредитель Эстонской рабочей партии. С 1923 по 1938 годы – главный редактор газеты Эстонской рабочей партии « Vaba Maa» («Свободная Земля»). С 1924 года – член Эстонского Союза журналистов.

24 февраля 1941 года арестован в Таллине, обвинён в шпионаже и антисоветской агитации и пропаганде. Переведён в Кировскую тюрьму Кировской области. Военным трибуналом войск НКВД приговорён к смертной казни. Исполнено 1 сентября 1941 года [2, с. 172-176].

⁵ **Синберг (ур. Лааман) Вильгельмина Хендриковна \ Генриховна** (19.08.1865 – 05.03.1932) – родилась в Замруке, поселянка д. Джурчи (ныне Первомайское), дочь Хендрика и Анны Лааман, евангелическая лютеранка, мать Тоомаса Синберга, в период учёбы сына в Евпаторийской гимназии проживала в Евпатории; возможно, необходимость в хорошем образовании для сына – причина переселения в город [16, л. 199].

⁶ **Синберг Тоомас Вильгельмович** – родился 30 января 1893 года в д. Кабан-Актачи (ныне утрачено). Сын Вильгельма Синберга, арендатора и Вильгельмины Синберг (ур. Лааман), евангелических лютеран, поселян д.

Джурчи.

В 1902-1904 – гг. обучался в Джурчинской и Замрукской начальных школах эстонских поселенцев. В 1904 году жил у родственников в Евпатории, очевидно, в связи с переездом семьи в город. В августе 1905 года поступил в Евпаторийскую гимназию, в июне 1912 года окончил полный восьмилетний курс этой гимназии, получив аттестат. С 1 сентября 1912 года студент агрономического отделения физико-математического факультета Юрьевского (Тартуского) университета [33, 34].

⁷ **Пульь Оскар Гансович** – родился 27 января 1895 года в д. Курулу-Кипчак (ныне Самсоново Сакского района). Сын симферопольского мещанина Ганса Гансовича Пулля и Анны-Марии (ур. Видакас), евангелических лютеран.

В августе 1906 поступил в Евпаторийскую гимназию, при отличном поведении обучался по июнь 1914 года и окончил полный восьмиклассный курс. В октябре 1914 года зачислен на агрономическое отделение физико-математического факультета Юрьевского (Тартуского) университета. Будучи студентом, в январе 1917 года состоял на службе подотдела транспорта при отделе связи и транспорта главного комитета по снабжению армии [35].

В феврале 1920 года гражданин Эстонии О. Пульь, служащий лётной части в Таллине, обратился с заявлением на имя ректора Тартуского университета о приёме на юридический факультет. Его зачисление в университет подтверждено Военному министерству 31 марта 1920 года: «Житель Таллина, по 9 марта 1923 года является студентом Тартуского университета» [36].

⁸ **Палло Александер Петрович** – родился 28 февраля 1890 года в эстонском поселении Контуган Таврической губернии (ныне Тепловка Симферопольского района). Отец Пётр Михайлович Палло, крестьянин деревни Лифляндка Краснокутской волости Новоузенского уезда Самарской губернии, православный. Мать Елизавета Мадисова, лютеранка.

Начальное образование получил в Курулу-Кипчакской школе. В 1904-

1905 учебном году учился в Евпаторийском городском училище, следующий год занимался самообразованием, позже обучался в Симферополе, Тарту, Одессе. Снова вернулся в Евпаторию в 1909 году, где в июне 1910 года подвергался испытанию зрелости в Евпаторийской гимназии. Осенью 1910 года крестьянин Александр Петрович Палло поступил на 1-ый курс юридического факультета Юрьевского (Тартуского) университета. С марта 1912 года до сентября 1913 года как вольноопределяющийся 4-й роты состоял в 90-м пехотном Онежском полку и характеризовался командованием как «воин отличного поведения, безупречной нравственности, проявивший большое усердие к службе». В сентябре 1913 года вновь зачислен студентом юридического факультета, в декабре 1914 года выбыл [37, 38].

В 1914-1917 гг. участвовал в Первой мировой, в 1918-1920 гг. – участник Гражданской войны в армии Врангеля. В 1920-1922 гг. – пресс-атташе посольства Эстонии в Москве. В 1922-1927 гг. – сотрудник Министерства иностранных дел, секретарь бюро информации, одновременно в 1922-1924 гг. студент юридического факультета Тартуского университета. 1927-1934 гг. – секретарь-консул посольства Эстонии в Хельсинки. 1934-1935 гг. – заведующий бюро Лиги наций, 1936-1938 гг. – заведующий пресс-бюро. 1938-1940 гг. – советник посольства в Париже. 1941-1944 гг. (Финляндия) – редактор эстонско-русских передач, отдел разведки главного штаба финской армии. 1948-1954 гг. – представитель Эстонии во Франции.

Один из учредителей и член Эстонского национального фонда. Член комиссии по иностранным делам Эстонского Совета национальностей.

Умер 13 июня 1958 года в Стокгольме. Похоронен на Лесном кладбище [39, с. 87-88].

Брат Александра Палло Мартын Петрович, 19 апреля 1899 года рождения, православный, крестьянин, в августе 1911 года держал испытания в Евпаторийскую гимназию, но по их результатам получил отказ в приёме [д. 107, л. 60 об.]. Обучался в городском училище, в период ученичества там

Ильи Сельвинского [731/1/32].

⁹ **Видакас Артур Иоганнесович** родился 19 июля 1898 года, сын симферопольского мещанина Иоганнеса Видакаса и Христиане (ур. Мартвель), евангелических лютеран. В мае 1908 года экзаменовался в 1-ый класс Евпаторийской гимназии. Решением педагогического совета в приёме отказано [3, л. 3]. Повторные испытания в августе 1908 года позволили педсовету зачислить Артура в подготовительный класс. Мать – домохозяйка Кристине Видакас, гарантировала при доходе 400 рублей платить обучение сына в гимназии и обязалась, что сын будет жить в доме Зодио на Раздольной улице [12, л. 80-82]. В 1918 г. Артур закончил полный восьмиклассный курс гимназии [11, л. 18 об.]

¹² **Видакас Иоганнес Иоганнесович (Юку)** родился 3 мая 1900 года в Курулу-Кипчаке Сакской волости Евпаторийского уезда (ныне Самсоново Сакского района). Отец симферопольский мещанин Иоганнес Видакас, мать Христиане (ур. Мартвель), евангелические лютеране [10, л. 158].

В мае 1910 года участвовал в испытаниях за 1-й класс Евпаторийской гимназии, по решению педагогического совета зачислен в подготовительный класс гимназии [3, л. 29]. Возможно, семья не рассчитала финансовые возможности, так что родители писали прошения об освобождении сыновей от платы за учение «по бедности». Педсовет освобождал братьев Видакасов от платы, не отчисляя из гимназии вплоть до их выпуска [13, л. 123]. В 1918 году закончил шестой класс [11, л. 16]. В списке седьмого класса нового учебного года не обнаружен, возможно, в связи с гибелью.

Оба брата стали персонажами романа И. Сельвинского «О, юность моя!». В третьей главе первой части на балу в женской гимназии появляется гимназист 8-го класса Артур Видакас, капитан спортивного кружка, лидер гимназического сообщества [30, с. 22]. Согласно романному тексту, отец Артура и Юку, корабельный мастер, построил небольшую яхту «Карамба», на которой мальчики трагически гибнут [30, с. 277]. Этот книжный эпизод неожиданно подтверждается фрагментом из «Воспоминаний» О. Лаамана в

главке «Мистическое исчезновение молодых людей».

Во время немецкой оккупации летом 1918 года в Севастополе шла оживленная спекуляция товарами, обнаруженными на складах военно-морского флота. Товар расхищали все: и частные лица и портовые рабочие. Затем все это шло на черный рынок в обменную торговлю. Безусловно, и немецкие войска не брезговали этим поживиться. К примеру, с Качинского аэродрома было унесено всё имущество, что можно было унести. Из Севастопольских складов вывозился бензин, нефть, петролиум и смазочные масла, и все это тайно на лодках развозилось по прибрежным селам, а там обменивалось на зерно. Из других крымских городов тоже приезжали в Севастополь за товаром.

Двое моих друзей-одноклассников, братья Артур и Юку Видакасы в Евпатории, с помощью дяди Мартвела построили себе парусную яхту «Ахти», которая была задумана для спорта. Братья часто на яхте выходили в море на довольно длительное время и были уже опытными мореплавателями. Как-то раз на яхте они пришли в деревню Самрук, но я в это время был за несколько километров от села, в поле, косил зерновые, так что в этот раз я с ними не встретился.

Летом 1918 года яхтой уже пользовались для перевоза товара из Севастополя. В один из таких рейсов братья Видакасы и еще трое ребят – среди них Мартин Палло и мой одноклассник грек Дмитри Теодори – погибли в море.

Помню, что на поиски ходил покойный Александер Палло, он нанял извозчика и ехал вдоль берега в сторону Севастополя. Но он нашел только пустую яхту, дрейфующую в море у устья реки Кача.

Так как в дни исчезновения ребят в море был шторм, сразу подумали, что ребята погибли во время шторма. Но на яхте паруса были аккуратно спущены, и она была пуста. Так как ребята из Евпатории отправились в Севастополь за товаром и, отоварившись, вышли в море, предполагали, что немцы в море их задержали или какие-то грабители на них напали. «Ахти»

наполовину была заполнена водой, никакого товара на ней не было, не обнаружили и следов какой-либо борьбы.

Было известно, что у ребят были с собой револьверы, и все умели прекрасно плавать. Поэтому мы не могли поверить, что они погибли во время шторма. Оставалось только предположить, что те самые моряки в Севастополе, которые им товар продали, под каким-то предлогом последовали за ними в открытое море, там неожиданно на них напали, ребят убили, товар забрали.

Но это только предположение. В то смутное время преступление осталось нераскрытым. Тайну гибели друзей хранят волны Черного моря [41, с. 134-135].

¹¹ **Замрук (Самрук)** – Береговое Симферопольского района. Осенью 1861 года 10 крестьянских семей с северного побережья Эстонии из поместья Штандгоф Харьюского уезда (около Таллина) осели здесь, официально закрепив за селом статус эстонского поселения. Архивный документ называет семьи Ленсманов, Ламанов, Иогана Виссарта, Гендрика Сельбака и других [24, с. 67; 1, с. 142].

¹⁰ **Ленцман Христиан Христианович** родился 27 апреля 1899 года, сын Христиана Юрьевича Ленцмана, поселянина д. Береговое, лютеранского вероисповедания. В августе 1912 года принят в 2-й класс Евпаторийской гимназии, возможно, по свидетельству Симферопольской гимназии [7, л. 550, л. 552; 16, л. 180]. В 1919 году окончил полный восьмилетний курс учебного заведения, получив аттестат [15, л. 12]. В Евпатории проживал у В. Г. Синберг [16, л. 205; 7, л. 556].

¹³ **Ленцман Адольф Христианович** родился 19 июня 1901 года, сын Христиана Юрьевича Ленцмана, поселянина д. Береговое, лютеранского исповедания. В 1912 году принят в 1-й класс по свидетельству № 1386 Симферопольской гимназии. В 1918-1919 году учился в 7-м классе. Его свидетельство за шесть классов в августе 1920 года получила В. Синберг [14, л. 6; 16, л. 199, л. 202; 3, л. 78].

¹⁴ **Лааман Кристиан Готлибович** (если он родной брат Оттомара, сын Готлиба Лаамана и Анны (ур. Ленцман), евангелических лютеран) родился 24 декабря 1904 года, принят в подготовительный класс Евпаторийской мужской гимназии в 1915 году [3, л. 127].

¹⁵ **Теодори Дмитрий Иванович** – родился 11 ноября 1899 года, православный, сын подпоручика. Как ученик 2-го класса Новгородской мужской гимназии, 15 июня 1912 года зачислен в Евпаторийскую мужскую гимназию [8, л. 270]. В 1917-1918 учебном году одноклассник Оттомара Лаамана и Ильи Сельвинского [11, л. 17-18].

¹⁶ **Иванов Иван Иванович** – родился 26 сентября 1882 года в семье учителя арифметики и географии Павловского духовного училища надворного советника города Павловска Воронежской губернии, православный. Закончил курс Павловского духовного училища, в 1897 году поступил в Воронежскую духовную семинарию, обучался здесь до июня 1903 года. В сентябре 1903 года зачислен студентом физико-математического факультета Юрьевского (Тартуского) университета. Уже в 1906 году возникают проблемы с уплатой за учение, грозило отчисление из университета. Дорогой жизнью в Юрьеве и братом, ставшим студентом, объясняет Иван Иванов в своих прошениях ректору университета о назначении пособия в 1907 и 1908 годах. 22 декабря 1908 года, «выдержав окончательное испытание по математическому отделению физико-математического факультета, удостоен степени кандидата физико-математических наук, с предоставлением ему всех прав и преимуществ, которые по существующим в Российской империи законам сопряжено с сею степенью». Согласно характеристике университета, «бывший студент Иван Иванович Иванов ... был поведения отличного». Очевидно, поэтому его не отчисляли из университета за «невзнос платы». В январе 1909 года его характеристика запрашивалась попечителем Оренбургского учебного округа [40]. Однако согласно его прошению от 20 января 1909 года, попечитель Одесского учебного округа назначил И. И. Иванова преподавателем

арифметики, алгебры, тригонометрии и геометрии в Евпаторийскую гимназию [4, л. 83, л. 88 об.]. Архивные документы свидетельствуют, что накануне войны в 1940 году он мастер педагогического труда, руководит секцией математики в Евпаторийской средней школе № 1 (бывшая мужская гимназия). Газеты этого времени писали, что И. И. Иванов «сразу после университета попал в Евпаторию и 31 год обучает школьников» [13, л. 48, л. 72]. В воспоминаниях евпаторийцев сохранилось школьное прозвище «Иван в кубе».

Литература

1. Аллик Хельдин. Учитель в эстонских поселениях в 1861-1920 гг. (по документам культурно-исторического архива Эстонского литературного музея) // Krimmi kogumik III. Крымский сборник. III. Tartu, 2011. 478 с.
2. Арякас Кюлло. Эдуард Лааман // Эстонцы Крыма: очерки истории и культуры / сост. Е. А. Лагода, Ю. Н. Лаптев, М. Р. Никольская. Симферополь: ДИАЙПИ, 2008. С. 172-176.
3. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 546. Оп. 1. Д. 107: «Приёмная книга на поступление в число учеников Евпаторийской гимназии с 1908 года».
4. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 546. Оп. 1. Д. 112.
5. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 546. Оп. 1. Д. 113.
6. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 546. Оп. 1. Д. 128.
7. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 546. Оп. 1. Д. 129.
8. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 546. Оп. 1. Д. 152.
9. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 546. Оп. 1. Д.

190.

10. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 546. Оп. 1.
Д. 201.

11. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 546. Оп. 1.
Д. 236.

12. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 546. Оп. 1.
Д. 243.

13. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 546. Оп. 1.
Д. 245.

14. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 546. Оп. 1.
Д. 259.

15. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 546. Оп. 1.
Д. 260.

16. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 546. Оп. 1.
Д. 271.

17. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 546. Оп. 1.
Ф. 681. Оп. 2. Д. 462.

18. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 546. Оп. 1.
Д. 624.

19. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 731. Оп. 1. Д.
32.

20. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-20. Оп. 2.
Д. 17.

21. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-2379. Оп.
1. Д. 160.

22. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 546. Оп. 1.
Д. 369.

23. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 546. Оп. 1.
Д. 373.

24. Каркач Е. В. Поселение эстонцев в село Замрук в документах

государственного архива Крыма // Krimmi kogumik. Крымский сборник. Tallinn, 2002. 240 с.

25. Курс Отт. Оттомар Лааман – хранитель памяти эстонской диаспоры // Эстонцы Крыма: очерки истории и культуры / сост. Е. А. Лагода, Ю. Н. Лаптев, М. Р. Никольская. Симферополь: ДИАЙПИ, 2008. С. 183-185.

26. Куурме Т. О среде, в которой воспитывались дети крымских эстонцев / Тийу Куурме // Krimmi kogumik II. Крымский сборник II. Tallinn-Tartu: 2005. С. 235, 237.

27. Никифорова Л. Из истории Евпаторийской мужской гимназии. – На правах рукописи.

28. Никифорова Л. Эстонская Евпатория // Krimmi eestlased. № 27. 2013. – С. 11-12.

29. Сельвинский И. Л. О, юность моя! // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1974. 511 с.

30. Сельвинский И. Л. О, юность моя! М.: Советский писатель, 1967. 520 с.

31. Эстонцы Крыма: очерки истории и культуры / сост. Е. А. Лагода, Ю. Н. Лаптев, М. Р. Никольская. Симферополь: ДИАЙПИ, 2008. 400 с.: илл.

32. Исторический архив Эстонии = ЕАА (Тарту). ЕАА. 2100.1. 6963. Студенческое дело Оттомара Лаамана.

33. ЕАА. 402. 1. 24300. Студенческое дело Томаса Вильгельмовича Синберга.

34. ЕАА. 1767. 1. 1766. Эстонское студенческое общество. Дело Синберга Томаса.

35. ЕАА. 402. 1. 21649. Студенческое дело Оскара Гансовича Пулля.

36. ЕАА. 2100. 1. 12099. Студенческое дело Оскара Пулля.

37. ЕАА. 402. 1. 19959. Студенческое дело Александра Палло.

38. ЕАА. 1767. 1. 1357. Эстонское студенческое общество. Дело Александра Палло.

39. Eesti välisestenuistus. Biograafiline leksikone 1918-1991. –

Välisministeerium, 2006, lk. 87-88.

40. ЕАА. 402. 1. 10445, 402. 1. 10446. Студенческое дело Ивана Ивановича Иванова.

41. Laamann Ottomar. Mälestused Krimmist / пер. М. Р. Никольской. – Toronto: Estoprint, 1981, 173 lk. // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.eesti.ca/index.php?op=article&articleid=22403>